

КРЕСТЬЯНСКОЕ ДЕРЖАНИЕ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ ИТАЛИИ В XIII—XIV веках

Л. М. Брагина

Литература по интересующему нас вопросу немногочисленна. Положение крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. не являлось, насколько нам известно, предметом специального исследования ни в зарубежной, ни в русской дореволюционной и советской историографии. Можно назвать лишь несколько общих работ итальянских медиевистов: двухтомный труд Каджезе «Сельские классы и коммуны в Италии в средние века», книгу Ариаса «Экономическая и социальная структура Италии в эпоху коммун» и статью Сантини «Личное положение жителей контадо в XIII в.». Эволюции форм крестьянского держания в той или иной мере уделено внимание в трудах общего характера по экономической и правовой истории Италии: в работах М. М. Ковалевского «Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства», Дж. Луццатто «Экономическая история Италии», Дорена «Хозяйственная история Италии», Сольми «История итальянского права»¹. Основные тенденции развития форм крестьянского держания в условиях товарного производства в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв. в этих трудах не исследованы. Между тем изучение положения итальянского крестьянства составляет важную задачу прогрессивной исторической науки, посвящающей свои усилия восстановлению истинной картины жизни и борьбы народных масс во всех странах.

Трудами итальянских ученых еще в XIX в. собраны по этим вопросам ценнейшие коллекции документов. Многие из них опубликованы в сериях «*Monumenta Historiae Patriae*», «*Bibliotheca Historica Italica*» и других изданиях. Однако большое количество указанных источников остается до сих пор не опубликованным. Отдельные ценные коллекции находятся за пределами Италии. В частности, в СССР, в отделе древних рукописей и актов Института истории Академии наук СССР (Ленинград), хранится большая коллекция. Часть этих документов уже опубликована. О. А. Добраш-Рожественской издана большая часть собрания актов Кремоны X—XIII веков². Материалы по Флоренции использованы в монографии В. И. Рутенбурга «Очерк из истории раннего капитализма в Италии» (М.-Л. 1951). Большинство используемых в настоящей статье рукописных грамот относится к неопубликованной части собрания актов Кремоны. Следует оговориться, что ограниченность круга источников придает выводам в значительной мере предположительный характер.

¹ R. Caggese. *Classi e comuni rurali nel medio evo italiano*. Vol. I, II. Firenze. 1907—1909; G. Arias. *Il sistema della costituzione economica e sociale italiana nell'età dei Comuni*. Torino. 1905; S. Santini. *Condizione personale degli abitanti del contado nel secolo XIII* in «*Archivio storico italiano*», ser. IV, vol. 17. 1886; М. М. Ковалевский. *Экономический рост Европы до возникновения капиталистического хозяйства*. Т. II. М. 1898; Дж. Луццатто. *Экономическая история Италии*. М. 1954; Doren. *Italianische Wirtschaftsgeschichte*. Jena 1934; A. Solmi. *Storia del diritto italiano*. Milano. 1930; *Cambridge Economic History of Europe*, I, 1942.

² «Акты Кремоны» X—XIII веков. Изд. АН СССР. 1937.

В XIII—XIV вв. не только в городах, но и в сельском хозяйстве областей Северо-Восточной Италии происходит дальнейший рост производительных сил. Повсюду окончательно утверждается трехполье, широко используются зеленые удобрения, вводится четырехкратная вспашка полей под озимые культуры. Развивается и экстенсивное земледелие: в широких масштабах проводится освоение пустошей, подъем нови, осушение болот. Используются ирригационные сооружения: почти вся долина реки По была покрыта сетью оросительных каналов. Развитию производительных сил в значительной мере способствовало проникновение в деревню товарно-денежных отношений под влиянием роста городского ремесла и торговли.

С развитием производительных сил и ростом товарно-денежных отношений расширялось городское землевладение, оказывавшее большое влияние на положение крестьянства. Богатые ремесленники, купцы и ростовщики скупали поместья у феодалов. Приобретали земли и городские коммуны путем покупки, в результате дарений и императорских пожалований, а иногда и путем прямого захвата земель крупных феодалов, с которыми города вели ожесточенную борьбу. В лице городских землевладельцев и городских коммун, отражавших интересы зажиточных слоев города, крестьяне встречали новых сеньеров, более могущественных, обладавших сильной политической властью. Таким образом, изучение положения крестьянства в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв., по существу, является частью общей проблемы взаимоотношения города и деревни в средние века.

В XI—XII вв. в связи с ранним развитием городов сложились относительно благоприятные обстоятельства, способствовавшие освобождению крестьян от крепостной зависимости. Но, несмотря на это, в XIII—XIV вв. в Италии еще сохраняются группы крестьянства, находившиеся не только в поземельной, но и в личной зависимости от феодала, прикрепленные к наделу и лишённые каких-либо прав на него. Особенно тяжёлым было положение сервов, которые не имели владельческих прав не только на землю и дом, но и на движимое имущество³.

Другую группу крепостного крестьянства составляли колонны. В отличие от сервов колонны пользовались имущественными правами и могли выступать в суде⁴. Но этим и ограничивалась их личная свобода. Обычное право Милана запрещает колонну покидать участок земли, полученный от господина, но разрешает господину произвольно отобрать его у колоны⁵. Несмотря на то, что колон был прикреплен к земле, он не являлся традиционнo-наследственным владельцем земли, а получал держание на определенный срок⁶. Срочность владения, а также уплата фиксированной ренты приближали колоны к положению срочного арендатора.

В этом же направлении шло развитие крестьянского держания *ad massaratum*. Как свидетельствует грамота 1351 г., аббат монастыря св. Петра в Милане инвестирует (передает во владение) Бартоломея де Фонтана на правах аренды и массарация (*nomine locatione et massaratum*) 11 участков земли (всего 3 бибульки, 4 пертики, 7 табул⁷) сроком на 8 лет, за ежегодную плату: 2 модия⁸ пшеницы,

³ Статут Брешии, например, запрещал сервам передавать имущество по наследству. *Monumenta Historiae Patriae*, v. 16, p. 2, P. 1584 (189). (Далее — МНР.)

⁴ Santini. Указ соч., стр. 184.

⁵ Besta-Barni. *Liber consuetudinum mediolani* 1216. Milano. 1949, p. 75—76. (Далее — Liber cons.)

⁶ Там же, стр. 81—82.

⁷ В XIII—XIV вв. 1 бибулька (югер) = 12 пертикам; 1 пертика = 24 табулам; 1 югер = 0,78 га.

⁸ 1 модий = 8 стариям = 1,462 гектолитра.

2 стария вина, 2 каплуна, 2 курицы и телега дров⁹. Здесь прямо указывается, что массарий получает держание на правах краткосрочной аренды.

Как и колон, массарий мог быть согнан с участка по произволу сеньера¹⁰. Вместе с тем статут разрешает массариям и колонам покинуть участок, если разрешит господин. При этом они должны заявить господину о своем желании оставить обрабатываемый участок не позднее начала августа¹¹. Однако в действительности уход массариев и колонов с господской земли ограничивался часто, особенно для бедняков, отсутствием реальной возможности поселиться на новом месте, так как почти все необходимое для удовлетворения своих первостепенных хозяйственных нужд (зерно, солома, сено, поделочный лес) они должны были оставлять господину¹².

В XIII—XIV вв. массарии и колоны — лично зависимые держатели, уплачивающие фиксированную ренту натурой или деньгами и лишенные прав на надел. Городской магистрат в интересах земельных собственников закрепляет в статутах их бесправное положение. Но, будучи вынужденными учитывать все возрастающую борьбу крестьянства за освобождение от крепостной зависимости и расширение своих прав, городские законодатели делают уступку колонам и массариям, разрешая им покидать господскую землю. Однако эта уступка была сделана в наиболее выгодной для землевладельцев форме: хозяину земли обеспечивались уборка урожая и получение ренты данного года. Вместе с тем статуты закрепляют произвол сеньеров, предоставляя им право согнать с земли как колонов, так и массариев. Необеспеченность держания как колона, так и массария, отсутствие прав не только на наследственное, но даже пожизненное пользование землей (выше отмечалось, что и колоны и массарии получали землю на определенный срок) способствовали обезземеливанию и обнищанию крестьянства.

В статутах Падуи XIII в. встречается еще одна группа феодально-зависимого крестьянства — вилланы. Вилланы сидели, как правило, на господском мансе¹³, который они держали *ad villanaticum* и уплачивали фиксированную ренту. Но в отличие от колона и массария виллан не мог быть согнан с манса по произволу господина. Господин, если он хотел отобрать землю у виллана, должен был сообщить ему об этом в определенный срок (в течение двух недель до и после праздника св. Петра). Такое же требование статут предъявляет и к виллану, желающему покинуть манс¹⁴.

Таким образом, освобождаясь постепенно от крепостной зависимости, колоны, массарии и вилланы не приобретали каких-либо владельческих прав на землю. В этом отношении их положение не отличалось от положения краткосрочных арендаторов.

В XIII—XIV вв. арендаторы, пользовавшиеся личной свободой, составляли весьма значительную часть крестьянства в областях Северо-Восточной Италии. Подавляющее большинство церковных, монастырских и светских поземельных грамот этого периода — это грамоты об аренде, которая выступает под самыми различными юридическими титулами:

⁹ Отдел древних рукописей и актов Института истории АН СССР. Западноевропейская секция, пергамент 27, ящик 143. Далее — Архив ЛОИИ (Ленинградское отделение Института истории). Числитель будет означать номер пергамента, знаменатель — номер ящика.

¹⁰ Статут Комо от 1258 года. МНР, 16. *Leges municipales*, t. 2. 1876, p. 67—68, CLXV.

¹¹ МНР, 16, pars. 2, p. 68—69, CLXVIII.

¹² Там же, стр. 67—68, CLXV.

¹³ Манс — комплексное держание, включавшее усадьбу, пахотные участки, луг и другие земли.

¹⁴ *Statuti del comune di Padova dal sec. XII all'anno 1285*. Padova, 1873, p. 218. (Далее — *St. Pad.*)

nomine locatione, tenere ad fictum in locatione, tenere ad fictum, locare, afficare.

Арендатор заключал с сеньером договор, в котором определялись условия аренды. В XIII—XIV вв. аренда представляла собой, по существу, новый вид феодального держания, ибо арендатор, хотя и пользовался личной свободой, продолжал оставаться в поземельной зависимости от феодала и обязан был уплачивать феодальную ренту в виде арендной платы. Кроме того, самый акт передачи земли арендатору оформлялся как акт передачи земли в феодальное держание (инвеститура), при этом новый владелец должен был уплатить собственнику земли определенную сумму. Плата за инвеституру представляла собой феодальную повинность, вытекавшую из поземельной зависимости крестьянства. Условия аренды были весьма разнообразны; при этом положение краткосрочных арендаторов значительно отличалось от положения наследственных владельцев арендуемой земли.

Сроки аренды были различны даже в пределах владений одного земельного собственника. Так, епископ Кремоны в 1272 г. инвестирует Альберта Богиона и Гирарда Мангено из Бурга Каравацио на правах аренды (*jure locatione*) лугом в 35 пертик и 15 табул близ Каравацио сроком на 10 лет за ежегодную плату 15 солидов. За инвеституру получено 0,5 лиры¹⁵. В том же году епископ Кремоны сдал в аренду еще ряд участков сроком на 10 лет¹⁶. В 1277 г. он сдал в аренду пахотную землю сроком на 20 лет¹⁷, в 1289 г. — один участок на 12 лет, другой — на 24 года¹⁸. В двух грамотах от 1297 г., выданных этим же епископом, срок аренды определяется в 19 лет¹⁹.

По истечении срока, указанного в договоре, арендатор должен был вернуть участок хозяину земли. В грамоте от 1319 г. из архива Милана отмечается, что по истечении срока аренды (2 года) владение должно быть возвращено госпоже Кастеллано без каких-либо возражений. И если через 8 дней после напоминания арендаторы (Амброзио Тацет и Обиций, сын Петра) не вернут землю, то с них взыскивается штраф в 10 лир, а владение передается госпоже Кастеллано²⁰.

Соблюдение сроков аренды было формально обязательно как для арендатора, так и для собственника земли. Пользование землей было обеспечено арендатору лишь на период аренды. Арендатор не мог покинуть участок до окончания срока аренды, но мог продать его или передать другому лицу, которое, в свою очередь, становилось арендатором. Почти во всех договорах о краткосрочной аренде указывается, что собственник земли «имеет право купить эту землю на 2 денария дешевле, чем кто-либо другой», или «епископ при покупке земли платит на 6 денариев меньше»²¹. Последнее означало, что арендатору предоставлялось право свободного распоряжения участком, но за собственником сохранялось право предпочтительной покупки земли (арендатор должен был предложить продаваемый участок сначала собственнику земли, и только в случае отказа последнего мог продать кому-либо другому)²².

Но свободное отчуждение арендных участков и сравнительно небольшие сроки аренды делали непрочной связь крестьянина с обрабатываемой землей и способствовали образованию безземельного крестьянства, вынужденного продавать свою рабочую силу.

¹⁵ Архив ЛОИИ, 17/127, документ 1.

¹⁶ Там же, 17/127, документы 2, 3, 4, 5.

¹⁷ Там же, 20/127. Срок в 20 лет встречается также в грамоте от 1227 г., выданной епископом Кремоны. Там же, 7/126.

¹⁸ Там же, 22/127, 25/127.

¹⁹ Там же, 2/128, 3/128.

²⁰ Там же, 9/116.

²¹ Там же, 25/127, 3/128.

²² При покупке участка собственник земли платил меньше, поскольку из стоимости участка вычиталась плата за инвеституру, которую он получил бы от нового владельца, если бы земля была продана кому-либо другому.

Наряду с распространением краткосрочной аренды, в практике аграрных отношений не меньшее место занимала сдача земли в либеллярное держание, эмфитевзис и другие виды долгосрочной и наследственной аренды.

В XI—XII вв. либеллярный договор представлял собой феодальную аренду, как правило, сроком на 29 лет (встречались и другие сроки). В XIII—XIV вв. этот вид держания превращается фактически в наследственную аренду, что не исключало отдельных случаев, когда договор заключался только на 29 лет²³. В одних грамотах содержится условие обязательно возобновлять либеллярный договор через каждые 29 лет²⁴, в других прямо говорится о передаче земли в наследственную аренду на либеллярном праве (*jure libelli perpetui* или *libellario pomine usque ad perpetuum*)²⁵. Основную массу либелляриев составляли лично свободные крестьяне, пользовавшиеся правом оставить владение: в документах часто встречаются случаи отказа либелляриев от арендуемого участка²⁶.

Права либеллярия по условиям договора определялись различно. Иногда в условия аренды включалось право либеллярия продавать, дарить, отдавать в залог владение, а иногда, наоборот, запрещалось всякое отчуждение арендованного участка²⁷.

В тех случаях, когда в либеллярном договоре право на отчуждение не оговаривалось, либеллярии могли продавать, дарить, отдавать в залог участок лишь с разрешения собственника земли, о чем свидетельствуют городские статуты²⁸. Однако в XIII—XIV вв. в условиях развивающегося процесса мобилизации земли разрешение господина на отчуждение либеллярного владения часто имело лишь формальное значение и требовалось, главным образом, потому, что осуществленная без ведома господина сделка могла лишить его взноса за инвестицию. Этим отчасти объясняется то, что городские статуты не запрещают отчуждения либеллярных владений, а требуют лишь, чтобы либеллярий уведомил о сделке господина, тем более, что зажиточные слои городского населения были заинтересованы в широком распространении купли-продажи земельных владений.

Таким образом, в условиях товарного производства, требовавшего максимальной самостоятельности крестьянского хозяйства, либеллярное держание постепенно превращается в наследственную аренду с фактическим правом арендатора на распоряжение участком. Но условия либеллярного договора оказывались благоприятными лишь для зажиточного крестьянства, ибо собственнику земли городские статуты предоставляли право отбирать у либеллярия участок, если он своевременно не уплатит ренту²⁹.

О том, что в действительности правом на наследственное владение арендуемым участком могли пользоваться главным образом состоятельные крестьяне, свидетельствуют и условия близкого к либеллярному договору вида аренды — эмфитевзиса.

Эмфитевт получал землю в наследственную аренду с правом свободно распоряжаться ею³⁰. Иногда в условиях договора оговаривается,

²³ *Bibliotheca Historica Italica*. Vol. 4. Milano. 1885. *Codice diplomatico laudense*. Parte 2, p. 371, №№ 375, 376.

²⁴ *Regestum ecclesiae Tridentinae*. Vol. 1. Roma 1939, p. 280, № 314, pp. 282—284, № 317, pp. 286—287, № 319. *Codice diplomatico Saccense*. Roma. 1894, p. 228.

²⁵ *Codice diplomatico laudense*. Parte 1, p. 235; *Codice diplomatico Saccense*, p. 228.

²⁶ *Codice diplomatico Saccense*, p. 228.

²⁷ *Codice diplomatico laudense*. Parte 1, p. 235. St. Pad., p. 214.

²⁸ Статуты Бреши от 1288 г. и 1313 г. МНР, 16, pars 2, pp. 1756, 1746. Статут Виченцы от 1264 г. *Monumenti storici pubblicati della R. Deputazione Veneta*, ser. 2, VI. Venezia. 1886. *Statuti dil comune di Vicenza*, p. 134.

²⁹ *Liber cons.*, p. 84. МНР, 16, pars 2, p. 1821.

³⁰ В случае отчуждения участка эмфитевт должен был поставить об этом в известность собственника земли. Но, как указывалось выше, это требование не препятствовало фактической свободе распоряжения участком.

что за собственником земли сохраняется право предпочтительной покупки сданного в аренду участка³¹. Это право собственника не ограничивало свободы отчуждения участка, но делало условия продажи менее выгодными для эфитевта. Свободное отчуждение эфитевзиса закреплялось и городскими статутами в интересах городской верхушки и особенно ростовщиков: разрешается отдача эфитевзиса в залог и продажа его за долги³². Последнее обстоятельство фактически исключало возможность для обедневших крестьян пользоваться правом на наследование арендуемого участка. О необеспеченности прав эфитевта на арендуемый участок свидетельствует также потеря им арендуемого участка в случае неуплаты ренты в срок, определенный договором³³.

Одним из главных условий эфитевзиса (а иногда и либеллярного договора) было требование повышать плодородность арендуемого участка (распашка целины, разведение новых культур и т. д.)³⁴. В связи с тем, что эфитевт должен был совершать какие-либо улучшения на арендуемом участке, ему предоставлялись некоторые льготы в виде нескольких лет безвозмездного пользования землей. Однако все улучшения на арендуемом участке эфитевт должен был производить за свой счет, что также делало этот вид аренды доступным лишь для зажиточных крестьян.

Итак, и либеллярный договор, и эфитевзис в XIII—XIV вв. по условиям аренды приближались к свободной крестьянской собственности (личная свобода арендатора, наследственность владения, права на распоряжение участком), что создавало большую заинтересованность крестьянина в хорошей обработке участка. Но практически всеми преимуществами этих видов аренды (по сравнению с крепостным держанием и краткосрочной арендой) могло пользоваться лишь зажиточное крестьянство.

Наряду с либеллярным договором и эфитевзисом, уже в XI—XII вв. получившими широкое распространение в областях Северо-Восточной Италии, в практике аграрных отношений XIII—XIV вв. часто встречается наследственная аренда, не имеющая определенного юридического титула³⁵. В грамоте от 1296 г. из архива г. Боббио указывается: господин Яков Бельянус инвестирует Руфино Георгия де Боббио и его брата Якино участком земли, засаженной каштанами, с правом передачи его по наследству за ежегодную плату — 8 лир³⁶. Пергамент, на котором записан этот арендный договор, сильно испорчен, поэтому трудно точно определить условия этой сделки. Но в грамоте от 1397 г. из условий аренды также указывается лишь право передавать участок по наследству и размеры ежегодной арендной платы³⁷. Аналогичные грамоты встречаются и в документах Тридентской церкви³⁸. Повидимому, никаких дополнительных требований, подобно тем, какие встречаются в либеллярном договоре и эфитевзисе, к наследственному арендатору, о котором идет речь в указанных грамотах, не предъявлялось. Что же касается права арендатора на распоряжение участком, то оно оговаривается редко.

В грамоте от 1244 г., выданной епископом Кремоны, арендатору, получившему землю в наследственное пользование, разрешается отчуждать ее, но при этом за епископом сохраняется право предпочтительной по-

³¹ Codice diplomatico laudense. Parte 2, pp. 449—452, № 433; МНР, 19, р. 646, № CZII.

³² Статут Брешии от 1313 г., МНР, 16, р. 2, № 1746. Статут Пьяченцы от 1391 г. *Statuta et decreta antiqua civitatis placentiae*. Placentia. 1560, р. 28, rubrica 11.

³³ *Statuta e ordinamenta comunis Cremonae* (1339). Milano. 1952, р. 143. LXVIII. (Далее St. crem.)

³⁴ В грамотах эфитевзис обозначается иногда термином *melioramentum* или *melioracio*.

³⁵ В некоторых грамотах она выступает под титулом *jure et nomine locatione in perpetuum*. — Reg. ecc. Tr., р. 25, № 25.

³⁶ «... investivit ad fictum reddendum. Rufino Georgia de Bubbio per se et frate suo et eorum heredibus...» Архив ЛОИИ. 10/110.

³⁷ Архив ЛОИИ, 21/110.

³⁸ Reg. ecc. Tr., р. 25, № 2V, pp. 30—31.

купки: «При желании арендатора продать землю епископ имеет право купить ее на 6 денариев дешевле, чем кто-либо другой»³⁹.

Однако в некоторых случаях условием договора о наследственной аренде является, наоборот, неотчуждаемость владения. В грамоте от 1243 г., выданной Тридентской церковью, отмечается, что арендатор и его наследники не должны отчуждать манс, полученный от каноников церкви *potius locacione in perpetuum*⁴⁰. Запрещение отчуждать манс содержится и в грамоте от 1344 г., выданной каноником этой же церкви⁴¹. Но поскольку запрещение отчуждать владение на правах наследственной аренды содержится только в двух грамотах Тридентской церкви, а в большинстве случаев в грамотах об аренде отчуждение вообще не оговаривается, можно предположить, что арендаторы, имевшие участки в наследственном пользовании, могли свободно распоряжаться ими, как и прочие арендаторы, тем более что в этих же картуляриях Тридентской церкви содержатся многочисленные документы, оформляющие куплю-продажу арендных участков.

Таким образом, условия наследственной аренды оказывались относительно менее тягостными для крестьянина, приближая его к положению свободного мелкого собственника. При этом, однако, следует учитывать имущественное расслоение среди крестьянства, зашедшее к тому времени уже довольно далеко, и главное — высокие размеры арендной платы.

Итак, насколько позволяют судить наши источники, на смену различным формам крепостного держания в Северо-Восточной Италии XIII—XIV вв. приходит феодальная аренда — краткосрочная и наследственная. Основная масса крестьян превращается в лично свободных арендаторов. Но вся эта масса крестьян продолжает оставаться в феодальной зависимости, поскольку феодальная собственность на землю и поземельная зависимость крестьянина от сеньера сохраняются. Крестьяне как будто добиваются свободного распоряжения наделом, юридические нормы, узаконивающие крестьянское землевладение, по внешности упрочиваются, но под влиянием все большего проникновения товарно-денежных отношений в деревню быстро усиливается дифференциация крестьянства и складывается масса бедного, необеспеченного, разоряющегося крестьянства. Одним из факторов, способствовавших усилению дифференциации, была мобилизация земельной собственности, получившая особенно большой размах в XIII—XIV вв., о чем красноречиво свидетельствуют документы этой эпохи⁴².

На практике продажа арендных участков не встречала особых препятствий со стороны собственников земли. Для них важно было обеспечить получение ренты с проданной арендаторами земли и платы за инвестицию, о чем свидетельствует грамота от 1265 г., выданная епископом Кремоны. В этом документе указывается, что епископ Кремоны разрешает Николаю де Кальяно продать 1 пецию земли, которую тот арендует у епископа, Амброзию Оливарио. При этом Амброзий должен платить ежегодно епископу 2 денария, и если он захочет продать участок, то епископ будет иметь право купить его на 2 денария дешевле, чем кто-либо иной; если епископ откажется купить его, то при продаже земли другому лицу епископ получит 2 денария за инвестицию⁴³.

Но собственник не препятствовал отчуждению земли арендатором лишь до тех пор, пока ему было обеспечено постоянное получение доходов с арендного участка. Это особенно отчетливо видно из грамоты от

³⁹ Архив ЛОИИ, 22/126.

⁴⁰ Reg. есс. Тг., pp. 39—40, № 36.

⁴¹ Там же, pp. 320—321, № 350.

⁴² Подавляющее большинство поземельных грамот составляют документы, оформляющие куплю-продажу, дарения, отдачу в залог и т. д. земельных владений.

⁴³ Архив ЛОИИ, 13/127. В грамоте от 1242 г. за собственником земли сохраняется право купить землю на 12 денариев дешевле. Там же, 20/126.

1253 г. из архива Кремоны. В этой грамоте указывается, что «Оттабона, аббатисса монастыря св. Иоганна в Путео, разрешает Томазино де Сильвестрис продать Гиральду и Пагану, братьям де Морандис, половину пертики земли с домом. Покупатели обещают платить ежегодно аббатиссе 1 мину пшеницы, и если захотят продать землю, то аббатисса может купить ее на 12 денариев дешевле, чем кто-либо другой, но если она купить не захочет, то они не должны продавать землю ни рыцарю, ни серву, ни церкви. За инвеституру аббатисса получила 12 денариев»⁴⁴. Подобное же условие в случае продажи владения арендатором содержится и в грамоте от 1258 г., выданной от имени епископа Кремоны⁴⁵. В грамотах от 1226 и 1227 гг., выданных этим же епископом, указывается, что земля может быть продана только земледельцу⁴⁶.

Для сеньера важно было, чтобы отчуждаемая арендатором земля падала в руки такого покупателя, который был бы способен уплачивать феодальную ренту. Об этом прямо говорится, например, в статуте Мантуи от 1303 г.: «Если арендатор хочет продать взятое им в аренду имущество, он должен сообщить хозяину, кому и за какую цену он его продает, закладывает и т. д., так как новый владелец должен быть достаточно состоятельным, чтобы уплачивать арендную плату»⁴⁷. Как правило, отчуждаемая земля переходила к новому владельцу-крестьянину по феодальной традиции на прежних условиях. Так, в грамотах Тридентской церкви, оформляющих акт передачи земли новому владельцу, указывается, что земля должна быть передана новому владельцу на тех же условиях (*ut investire debeant de dicta pedia terrae... sub iisdem conditionibus*)⁴⁸. Однако возможно, что иногда феодал нарушал эту традицию в целях повышения арендной платы⁴⁹.

Реальные выгоды от свободного отчуждения земли получали зажиточные крестьяне, ибо это позволяло им расширять свои владения и сосредоточивать в своих руках большое количество земли. Что касается бедных крестьян, то для них продажа участка могла быть лишь временным выходом из нужды, а иногда приводила к безвозвратной потере земли, ибо для получения в аренду нового участка необходимо было вносить плату за инвеституру, которая часто достигала значительных размеров⁵⁰.

Кроме того, мобилизация земельных владений способствовала дроблению участков и увеличивала число малоземельных крестьян. В XIII—XIV вв. крестьяне в большинстве своем арендовали не целый манс — обычный крепостной надел⁵¹. Как правило, в аренду сдавались небольшие участки либо пашни, либо виноградника, либо луга; значительно реже встречается аренда комплекса земель⁵². Аренда отдельных участков земли значительно меньше удовлетворяла потребности крестьянского хозяйства, чем комплексное держание, и усиливала его зависимость от рынка, что также способствовало дифференциации крестьянства.

Процесс мобилизации земельной собственности в еще больших масштабах имел место и в среде господствующего класса: отчуждались как земля, так и право на получение феодальной ренты. При переходе земли

⁴⁴ Там же, 28/126.

⁴⁵ ...*Si vero Carnevallus, procurator episcopii Cremonensis emere noluerit, in venditione cuiuscumque, nisi militi, servo, ecclesiae, hospiti facienda.* Там же, 6/127.

⁴⁶ «Акты Кремоны X—XIII вв.», № 153, стр. 302—303; № 156, стр. 306—307; №№ 157—159, стр. 307—311.

⁴⁷ D'Agno. *Studi intorno al municipio di Mantova.* Mantova, 1871, v. 2, p. 181, rubr. 10a.

⁴⁸ *Reg. ecc. Tr.* 187, № 210, pp. 223—224; № 247, p. 109; № 118, p. 220; № 242, p. 243; № 266, pp. 244—245; № 268, p. 274; № 314, pp. 302—303; № 334.

⁴⁹ См., например, архив ЛОИИ, 20/126.

⁵⁰ В грамотах ее величина колеблется от 2 денариев до 10 лир.

⁵¹ Аренда манса встречается в источниках очень редко: всего лишь 7 грамот в *Reg. ecc. Tr.*

⁵² Об этом свидетельствуют как грамоты, так и описи земельных владений коммуны Брешиа (*MHP, 19, Liber potheris comunis Brixiae*).

или права на получение ренты к новому владельцу непосредственный производитель, державший или арендовавший эту землю, должен был уплачивать новому господину взнос за инвестицию, в установлении размеров которого царил наибольший произвол⁵³. При частом переходе земельной собственности и ренты от одного владельца к другому плата за инвестицию превращалась в непосильное бремя для обедневших крестьян, вынуждая их отказываться от владения.

Насколько резким было расслоение в среде крестьянства, можно судить по размерам крестьянских владений на землях, принадлежавших коммуне Брешии. Большую часть крестьян, владевших землями Брешии (372 человека), составляли малоземельные крестьяне, имевшие от 2 табул до 4 югеров земли, в то время как размеры участков крупных крестьян-землевладельцев (64 человека) достигали 20—30 югеров⁵⁴.

Таким образом, для одних крестьян размеры участка часто не могли обеспечить необходимого прожиточного минимума, а размеры владений других были столь велики, что предполагали использование дополнительной рабочей силы. В качестве такой рабочей силы могли выступать как малоземельные крестьяне, так и наемные. Об их существовании свидетельствуют городские статуы⁵⁵.

Из многочисленных повинностей, связанных с различными формами феодальной зависимости крестьян, в XIII—XIV вв. преобладающее значение имели платежи за землю в натуральной или денежной форме⁵⁶. Барщина вообще не встречается. Своеобразным пережитком отработочной ренты была извозная повинность, которая заключалась в том, что крестьянин должен был доставлять натуральный оброк к месту жительства господина⁵⁷. Городские статуы делают эту повинность обязательной для всех крестьян, обрабатывающих чужие земли.

Статут Падуи от 1212 г. гласит: «Либерлярии, как и другие держатели чужих земель, должны доставлять следующую господину часть урожая туда, куда он прикажет, и в том виде (например, виноградом или вином), в каком он пожелает. В случае нарушения этого предписания виновник платит Падуе 60 солидов и столько же — господину»⁵⁸. Статут Виченцы от 1264 г. и статут Пармы середины XIII в. требуют от держателей доставки соответствующей части урожая к месту жительства господина⁵⁹.

Появление подгородных статуов объясняется отчасти тем, что значительная масса землевладельцев (богатые купцы, ростовщики, ремесленные мастера, переселившиеся в город феодалы) жила в городе и была тесно связана как с рынками других городов, так и с заморской торговлей. Кроме того, это было связано с широким распространением издольной аренды на землях городских коммун (издольщики должны были отдавать землевладельцу часть урожая натурой).

По данным описей Брешии, 65,3% всех арендаторов уплачивали только натуральную ренту, при этом подавляющее большинство составляли издольщики (56%) и только 9,3% арендаторов уплачивали фиксированную ренту натурой. 22,7% всех держателей на землях коммун Брешии платили только денежный чинш и 12% держателей уплачивали смешанную ренту, то есть или чинш в денежной и натуральной форме, или с одних участков — часть урожая, с других — денежный чинш. Но такой значи-

⁵³ D'Arco, Op. cit., p. 182, r. 10a.

⁵⁴ МНР, 19, № 1, pp. 199—207; № 11, pp. 208—251; № LVII, pp. 255—261; № LVIII, pp. 262—283; № CXXXIII, pp. 577—597; № CLII, pp. 652—675; № CLI, pp. 638—644; № CLIX I, II, III, IV, pp. 733—789.

⁵⁵ Статут Кремоны от 1339 г. St. Crem., p. 235, № CLIX; p. 264, № XIII. Статут Модены от 1327 г., p. 240, ч. XVIII, pp. 240—242, ч. XX.

⁵⁶ redditus, fictum.

⁵⁷ Reg. ecc. Tr. pp. 295—296; № 327, pp. 276—279; № 313, pp. 309—311; № 341.

⁵⁸ St. Pad., pp. 214—215.

⁵⁹ St. Vicen., p. 138.

тельный процент натуральной ренты объясняется только большим удельным весом издольной аренды на землях Брешии. В фиксированной ренте, наоборот, преобладали денежные платежи. 74,6% арендаторов уплачивали денежный чинш, 20% — натуральный оброк и 5,4% — смешанную ренту — деньгами и продуктами⁶⁰. В грамотах также преобладает денежная рента (67,4%). Рента натурой составляет 21,3%, и смешанная рента — 11,3%⁶¹.

Отсутствие в нашем распоряжении достаточного количества источников лишает нас возможности выяснить точное соотношение натуральной и денежной ренты в Северо-Восточной Италии в XIII—XIV веках. Но все же можно отметить, что в целом преобладающее значение имела денежная рента, хотя на городских землях удельный вес натуральной ренты был значительно больше.

Рента натурой уплачивалась, как правило, зерном или вином, иногда продуктами животноводства. Из зерновых культур чаще всего в качестве оброка встречаются пшеница, просо и рожь. Иногда, кроме зерна, крестьянин должен был отдавать господину 1—2 свиные туши, или 2—3 куриц, или 1—2 каплунов.

Размеры ренты зерном или вином колебались от 1 секстария до 20 модиев. Преобладали более высокие платежи — в размере нескольких модиев. Среди денежных платежей преобладающее значение также имели более высокие чинши (от 5 солидов до 10 лир), в то время как в XI—XII вв., согласно подсчетам, сделанным Л. А. Котельниковой, преобладали небольшие чинши в размере от 1 денария до 2 солидов⁶².

Таким образом, в XIII—XIV вв. происходит повышение размеров денежных платежей чиншевиков, хотя, может быть, и не столь резкое, как это вытекает из сопоставления вышеприведенных данных (следует учитывать, что источники, на которых базируются данные для XI—XII вв. и для XIII—XIV вв., не всегда совпадают территориально. Необходимо иметь также в виду постоянные колебания в стоимости денег на протяжении всего этого периода).

В том, что в XIII—XIV вв. эволюция феодальной ренты шла в сторону ее увеличения, убеждает нас и повышение удельного веса платежей в виде части урожая, которые лежали на издольщиках. Однако, безусловно, вопрос об эволюции феодальной ренты в областях Северо-Восточной Италии в XIII—XIV вв. требует дальнейшего изучения, и сделанный нами вывод не может считаться достаточно полным.

Во всяком случае, анализ крестьянских повинностей свидетельствует о том, что, хотя и расширялись юридические права крестьянина — владельца земли, размеры феодальной ренты не уменьшались.

В XIII—XIV вв. отчетливо намечаются два направления, по которым происходили изменения в положении различных групп крестьянства Северо-Восточной Италии. Одно — превращение крепостного крестьянина в лично свободного наследственного арендатора, пользующегося широкими правами на надел (таковы либеллярии, эмфитевты, наследственные арендаторы). Эта группа крестьян, менее многочисленная, состоявшая, главным образом, из зажиточных крестьян, пользовалась наибольшей хозяйственной самостоятельностью. Наследственная аренда открывала широкие возможности для развития крестьянского хозяйства в условиях фео-

⁶⁰ См. прим. 54.

⁶¹ Подсчет произведен на основании всех доступных нам грамот.

⁶² Л. А. Котельникова. Положение зависимого крестьянства в Северной и Средней Италии в VIII—XII вв. Кандидатская диссертация (рукопись). М. 1952. стр. 475. Ее же. Положение и классовая борьба зависимого крестьянства в Северной и Средней Италии в XI—XII веках. «Средние века», вып. VI. М. 1955. стр. 109.

дализма. Но хотя по условиям держания наследственные арендаторы приближались к положению мелких собственников, они продолжали оставаться в поземельной зависимости от феодалов, обязаны были уплачивать феодальную ренту: «Непосредственное отношение господства и порабощения» смягчалось здесь до «простого оброчного обязательства»⁶³.

Другое направление — превращение как свободного, так и лично зависимого крестьянина в срочного арендатора, уплачивавшего феодальную ренту в виде определенной договором арендной платы (чинша или части урожая). Для этой группы крестьян, становившейся с течением времени все более многочисленной, зависимость от феодала также ограничивалась оброчным обязательством; но к этой несвободе добавлялось полное отсутствие реальных прав на арендуемую землю. Если для крестьянина эта форма владения землей была менее благоприятной, то для феодала она оказывалась более выгодной, поскольку предоставляла ему большую свободу повышать феодальную ренту.

Изменение форм крестьянского держания в XIII—XIV вв., превращение основной массы крестьянства в лично свободных арендаторов не означало, разумеется, исчезновения феодальных производственных отношений. Феодальная собственность на землю продолжала оставаться основой эксплуатации крестьянства, но принимала новые формы.

Вместе с тем высокий уровень товарного производства и резкая дифференциация крестьянства создавали предпосылки для возникновения капиталистических отношений в деревне. Но эти предпосылки могли послужить реальной базой для возникновения капитализма в сельском хозяйстве лишь при условии сложившихся капиталистических отношений в городе.

Более того, несмотря на наличие этих предпосылок в Италии в XIII—XIV вв., капиталистические отношения в итальянской деревне возникли значительно позднее; феодальные отношения в сельском хозяйстве Италии все более консервировались и принимали застойные формы. Причины этого коренятся прежде всего в особенностях исторического развития Италии. Одной из таких особенностей было раннее развитие городов и превращение городских коммун и богатых слоев городского населения в феодальных землевладельцев. Изучение вопроса о политике города по отношению к крестьянству в XIII—XIV вв. представляется нам особенно важным для выяснения причин последующего экономического упадка Италии.

⁶³ Ср. К. Маркс. Капитал. Т. III. М. 1954, стр. 803.